

щества» от «культуры» в подзаголовке тома? Ведь власть и общество фигурируют здесь и как культурные акторы, и как продукты культурной деятельности одновременно. Правда, при таком подходе начинают стираться границы между сферами ведения социальной, политической и культурной истории. Кстати, интересно было бы знать, как видится редакционной коллегии издания разделительная линия между их предметными областями.

При всём богатстве своего содержания рецензируемый том всё-таки заставляет говорить об одной весьма существенной потере. Я имею в виду тему общественной мысли. Ей был отведён специальный том в предшествующей серии, посвящённой русской культуре XIX в. Здесь же она оказалась раздробленной и скомканной. Думается, не лишним было бы представить в отдельном очерке процесс трансформации

основных идеологий (либерализм, консерватизм, социализм) на рубеже веков.

В целом же коллектив авторов тома выполнил большую и полезную работу. Научная добротность её результата не вызывает сомнений. Все авторы – далеко не новички в проблематике своих материалов. Вскрывающиеся же дискуссионные моменты и лакуны являются неизбежным атрибутом процесса дальнейшего углубления в тему.

В.А. Китаев

Примечания

¹ См.: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004.

² Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. I. СПб., 1991. С. 159–162.

³ Там же. С. 97–98.

А.Е. Иванов. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М.: Новый хронограф, 2010. 333 с.

В последние годы заметно возрос исследовательский интерес к истории отечественного образования вообще и российских университетов в частности. Ежегодно выходят статьи и монографии, посвящённые тем или иным периодам развития университетской системы в России, научной аттестации, проблемам учебного процесса, различным аспектам жизни и деятельности преподавательских и студенческих корпораций, отдельным факультетам и конкретным профессорам. Но и на фоне этого многообразия рецензируемая книга привлекает особое внимание. Её автор – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН А.Е. Иванов по праву считается патриархом в историографии высшего образования Российской империи. Несколько его фундаментальных трудов, написанных за последние 20 лет¹, составили своего рода энциклопедию высшей школы указанного периода, поставив много проблемных вопросов, открывающих перспективы для

дальнейшего изучения темы. Как свидетельствуют историографические обзоры в диссертациях и монографиях последних лет, ни один исследователь, занимающийся историей образования в дореволюционной России, не может обойтись без работ А.Е. Иванова. Недавно ему была присуждена премия имени В.О. Ключевского, что стало выражением признания его заслуг научным сообществом.

Раскрывая мир российского студенчества конца XIX – начала XX в., автор рассматривает своё исследование как «историко-культуроведческое» и видит его смысл в «детальном социокультурном портретировании сообщества учащихся высшей школы Российской империи» (с. 5). Следует отметить, что отдельные попытки представить облик студентов конца XIX – начала XX в. или какой-то его профессиональной части предпринимались и в дореволюционной литературе², и в работах последних лет³. Однако, Иванову впервые удалось представить палитру всего российского студенчества –

«корпорацию молодой интеллигенции с собственной субкультурой умственного труда», этическими и эстетическими представлениями, духовностью, стилем жизни и межличностных отношений. Из обширного комплекса источников, изученных автором, особое значение имеют материалы студенческих социологических опросов («самопереписи») и студенческая периодика (журналы и газеты, издаваемые самими учащимися). Огромный интерес представляют также «иконографические источники» – помещённые в книгу фотографии студентов, которые Иванову удалось собрать.

В монографии семь очерков, в каждом из которых анализируется один из аспектов студенческого мира, включавшего не только студентов университетов и специальных высших учебных заведений, но и слушательниц высших женских курсов: учебные занятия, научное сотрудничество с профессорами, книжные увлечения (книги и журналы, библиотеки и книгоиздание), роль искусства, празднично-развлекательная культура, одежда российского студенчества, наконец, его культурный портрет в широком смысле слова.

Первый очерк, посвящённый учебному процессу (с. 9–30), разделён на два параграфа, в первом из которых автор, опираясь на мемуаристику, выделяет типы студентов по степени втянутости в учебно-научный процесс. Это увлечённые наукой будущие учёные, «зубрилы», «карьеристы», учившиеся лишь для поступления на службу, «кутилы» – более циничный и богатый подразряд «карьеристов», «студенческий шлак», мало способный или не склонный к занятиям вообще, из которого обычно «ничего не выходило». Во втором параграфе очерка характеризуются формы аудиторных занятий (лекционных и практических, или «семинарских») и академической отчётности, приводятся мнения студентов о «курсовой» и «предметной» системах, о возможности сочетания научно-профессиональной специализации и широты образования. В историографии эти проблемы как правило рассматриваются с точки зрения преподавателей, по документам профессорских совещаний, дискуссий и аналитических записок, Иванов же ставит иную задачу: увидеть их

глазами студентов. В его книге ярко освещены попытки учебной администрации контролировать посещаемость занятий и отношение к ним студентов, что позволяет лучше понять студенческое восприятие одной из знаменитых «университетских свобод» – свободы обучения (*Lernfreiheit*), отчасти узаконенной в российских университетах в 1906 г. Очень любопытны в этом отношении статистические данные о посещениях лекций, приведённые Ивановым по студенческим «самопереписям» (с. 26–28).

Второй очерк посвящён учебному и научному сотворчеству учащихся и учащихся высшей школы (с. 31–90). Представив в первом параграфе взгляд студентов на своих профессоров, в последующих четырёх параграфах Иванов рассматривает их общение на лекциях, собеседованиях, учебно-научных экскурсиях, в семинариях и студенческих научных обществах и кружках, в которых наиболее ярко проявлялась увлечённость студентов самостоятельной исследовательской деятельностью. Вместе с тем в подобных кружках было немало радикально настроенных членов (в частности, в Научно-литературном обществе при Петербургском университете состояли участники знаменитого террористического покушения 1 марта 1887 г.). Кроме того, некоторых преподавателей настораживало то, что самостоятельность отвлекала студентов от систематических учебных занятий, а это нередко уводило их от серьёзных научных проблем к «периферийным» темам, по тем или иным причинам более интересным для малоопытных начинающих исследователей. Однако судя по собранному в книге материалу, при удачном сочетании инициативы студентов и умелого руководства профессоров научные общества и кружки являлись содержательной и результативной формой работы.

В третьем очерке описаны читательские интересы российских студентов и роль литературы и периодической печати в формировании их мировоззрения (с. 91–136). Очерченный Ивановым круг книг, журналов и газет, читавшихся студентами, отчасти позволяет судить о том, на каких идеях возрастали последние предреволюционные поколения российской

интеллигенции. В то же время наряду с обществами и кружками студенческие библиотеки, читальни и издательские комитеты свидетельствовали о желании и умении учащихся начала XX в. создавать научные инфраструктуры (с. 124–136). По-видимому, их интересовали отнюдь не только забастовки и политические дебаты.

В связанных между собой четвёртом и пятом очерках внимание автора сосредоточено на интересе студентов к искусству и «празднично-развлекательной культуре» студенчества (с. 137–196). Опираясь преимущественно на данные «самопереписей», Иванов заключает, что искусство являлось одним из значимых факторов, влиявших на формирование студенческой субкультуры (с. 139). При этом потребность в театре, музыке, живописи и валянии проявлялась как в созерцании и слушании, так и в художественно-самодеятельном творчестве молодой интеллигенции. Классифицируя театральные и музыкальные увлечения студентов, автор выделяет «классическое» направление (любовь к опере, драме, классической музыке) и склонность к «новым наслоениям» – синематографу, театральному фарсу.

Участие студентов в «празднично-развлекательной» жизни было, конечно, очень дифференцировано: будущие учёные или «зубрилы» вряд ли являлись заведомыми вечеринками и игорными клубами. Однако с развлечениями были тесно связаны и важные проявления студенческой жизни, в частности, общества (кассы) взаимопомощи и благотворительность по отношению к нуждающимся товарищам, а также корпоративные праздники. Такие торжества имели свой «типовой» ритуал, выявленный и описанный Ивановым: богослужение в домовых церквях высшего учебного заведения, официальная часть с профессорским «актовым» докладом, чтением годового отчёта и вручением медалей за сочинения, неформальное студенческое празднество с уличными шествиями, танцами и застольями (с. 185–196). Конечно, реконструкция этих сторон студенческой жизни крайне трудна, и выстроить целостную картину по отдельным «самопереписям» и фрагментарным упоминаниям в дневниках и воспоминаниях практически

невозможно. Тем не менее Иванову удалось передать её максимально подробно и ярко.

Отдельный очерк посвящён студенческой одежде, символизировавшей принадлежность к высшей школе (с. 197–240). Как отмечает Иванов, сама идея «студенческого мундирного платья» была связана с дворянско-военно-бюрократическими представлениями о государственной службе, к которой готовили учащихся высших школ. Однако со временем военизированная пластика, мундирные золотые галуны и шпаги постепенно вытеснялись более «академическими» и «демократичными» сюртуками и полупальто («тужурками», ставшими неотъемлемой частью образа «студента конца XIX – начала XX в.»). Излагая историю форменной студенческой одежды на основании положений «Полного собрания законов Российской империи», «Сборника постановлений по Министерству народного просвещения» и «Собрания узаконений и постановлений правительства», Иванов одновременно раскрывает и отношение самих студентов к своей форме, отразившееся в их воспоминаниях.

В самом большом по объёму и сложном по структуре очерке (с. 241–314) представлен обобщающий культурный портрет студенчества. В нём Иванов касается самых неоднозначных и интимных сторон студенческой жизни: внутрикорпоративной этики, «душевного» настроения и духовных исканий, «полового вопроса», отношения к браку, семье, винопитию, курению табака. Особое внимание при этом уделено распространению в студенческой среде «вируса разочарованности», который получал иногда «суицидальные мотивы» (с. 260–273). Данные об этом были собраны в ходе исследования, проведённого в 1912 г. Комиссией по борьбе со школьными самоубийствами неправительственного «Русского общества охранения народного здравия», и затем опубликованы доктором Е.П. Радиным. Иванов полагает, что упадочные настроения вызвал «стремительный перепад в эмоциональном состоянии» студентов, начавшийся после «подъёма» 1905 г. и усугублённый «репрессивным режимом», утвердившимся в высшей школе с 1908 г.,

когда Министерство народного просвещения возглавляли А.Н. Шварц и Л.А. Кассо (с. 272–273). Однако было бы интересно проследить, насколько это возможно, как сказался данный «перепад» настроения на разных типах студенчества: увлечённых наукой, «зубрилах», «карьеристах» и проч.

Чрезвычайно важен и затронутый Ивановым вопрос о вере и безверии в студенческой среде. Из статистических данных «самопереписей» складывается печальная картина, отчасти объясняющая последующие катастрофические события российской истории. Конечно, следует учитывать «моду» тех лет на социалистические и атеистические идеи, которой приходилось противостоять тем, кто заявлял о своей вере. Поэтому неудивительно, что Иванов пишет о «глубинной внутренней убежденности» верующих студентов (с. 277). Некоторые выпускники университетов после революции приняли священный сан, стали новомучениками и исповедниками в России или служили Церкви в диаспоре. Среди них был, в частности, и студент историко-филологического факультета Петербургского университета 1910–1914 гг. Сергей Безобразов, будущий епископ Кассиан.

Выводы из своих многолетних исследований жизни русского студенчества, его роли и значения в истории России Иванов излагает в заключении, которое построено в форме своеобразной полемики с знаменитой «веховской» статьёй А.С. Изгоева «Об интеллигентной молодёжи (заметки об её быте и настроениях)» (с. 315–323). Последовательно разбирая все обвинения, предъявленные в ней студенчеству – в профессиональной незаинтересованности и непригодности, в слабой культуре ума и воли, в оценке профессоров не по научным заслугам и лекторскому мастерству, а исключительно по политическим симпатиям, в «нравственном разгильдяйстве» и бытовых пороках – Иванов убедительно показывает их поверхностность, мелочность и предвзятость.

Сожаление вызывает лишь отсутствие в книге сведений о студентах православных духовных академий. Конечно,

они имели свою специфику, связанную с самим понятием «духовные» во всех его аспектах и нюансах, включая предназначение выпускников. Но, несмотря на самостоятельность духовно-учебной системы и своеобразие её внутренней жизни, учащиеся академий, безусловно, являлись частью российского студенчества. Видимо, «мир студентов духовных академий» требует специального исследования.

Ещё раз следует отметить, что труд Иванова стал замечательным вкладом в историю российской высшей школы. Обширная информация, тонкие сравнения, студенческие «самосвидетельства», воспоминания и портреты позволили автору настолько живо реконструировать прошлое, что читатель буквально погружается в этот особый «студенческий мир». Каждый, имевший личный студенческий опыт, невольно сравнивает его с реалиями конца XIX – начала XX в., пытаясь выделить, с одной стороны, то общее, что характерно для студенчества всех времён, а с другой стороны, – особенности дореволюционной интеллектуальной жизни России. И эта возможность, предоставленная монографией А.Е. Иванова, является её несомненным достоинством.

Н.Ю. Сухова

Примечания

¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; *он же.* Учёные степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994; *он же.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; *он же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *он же.* Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.

² *Гарин-Михайловский Н.Г.* Студенты. Инженеры. М., 1985; *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1903; и др.

³ *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.